

[Знаков В.В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта](#)

English version: [Znakov V.V. Inconceivable and mysterious as attributes of existential experience](#)
Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проанализирована структура экзистенциального опыта субъекта, выявлены его основные компоненты, сопоставлены его содержание с ментальным и другими видами опыта. Рассматриваются шесть основных составляющих экзистенциального опыта: трехкомпонентная структура, метасистемная организация, переживание, свое и чужое в опыте человека, понимание-постижение и непостижимое, тайна как атрибут опыта. Обосновывается, что наряду с достоверным знанием непостижимое и тайна являются неустранимыми составляющими человеческого бытия и опыта субъекта.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, переживание, понимание-постижение, непостижимое, тайна

В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного. Согласно «Критике чистого разума» Канта, опыт есть главный продукт нашего ума. В философии опыт считается основой всего непонятного знания о действительности. В самом общем виде в науке опытом называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них. В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. В частности, «в экзистенциальной философии опыт понимается как глубинное знание, которое рождается в корне экзистенции в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества» [Калюжная, 2009].

В научной литературе обсуждается множество различных видов опыта. Если ориентироваться на внешний по отношению к субъекту критерий деятельности, то правомерно говорить о вариантах профессионального опыта. В частности, в докторской диссертации И.А.Кибальченко на примере педагогической деятельности осуществлен глубокий и интересный анализ учебно-познавательного опыта учащихся [Непомнящий, 2010]. Если же иметь в виду внутренний субъектный опыт, то по аналогии с рубинштейновским «Бытием и сознанием» его можно соотносить с бытием и познанием. **Умственный ментальный опыт реализуется прежде всего в познании, экзистенциальный – преимущественно в бытии.** Ментальный опыт лежит в основании познавательного отношения человека к миру. Экзистенциальный опыт субъекта

формируется в процессе проживания приобретенного знания о мире в человеческом бытии. В экзистенциальном опыте сконцентрировано не познавательное, а личностное ценностно-смысловое отношение субъекта к миру.

По М.А.Холодной, ментальный опыт – «это система наличных психических образований и иницируемых ими психических состояний, лежащих в основе познавательного отношения человека к миру и обуславливающих конкретные свойства его интеллектуальной деятельности. Ментальный опыт, судя по имеющимся данным, представлен в трех основных формах, таких как ментальные структуры, ментальное пространство и ментальные репрезентации» [Холодная, 2002, с. 106]. Нет сомнения в том, что ментальный опыт является основанием познания, его когнитивная природа очевидна.

Однако жизнь человека не исчерпывается только познанием, большую роль в ней играют общение, переживания, созерцание, постижение. Для описания этих феноменов человеческого бытия привлечения категории ментального опыта недостаточно – необходим психологический анализ экзистенциального опыта. Такой опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных знаний, с помощью которых невозможно точно описать многие сферы жизни людей. Во многих профессиональных контекстах и ситуациях, например в медицинской этике, мы можем только постичь возникающие проблемы. У специалистов нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных ценностей. Например, обязательно ли должен быть прооперирован каждый умирающий от рака пациент? всегда ли следует говорить ему правду? обязательно ли для медперсонала до конца бороться за жизнь больных, умирающих от старческого слабоумия?

Главная проблема при этом заключается в отделении фактов от мнений. Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает людей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем к достоверным медицинским знаниям. Совесть вообще является психологическим образованием, интегрирующим знания субъекта, его побуждения и моральные представления. В этом контексте уместно вспомнить Л.Толстого, в частности, его статью «Не могу молчать». Когнитивная картина повторяющихся в Российской империи смертных казней построена у него по тезаурусному принципу семантических и ассоциативных связей, которые практически невозможно четко сформулировать, вербально описать. Этические представления о справедливости, связанные с сильной мотивацией, направленностью на ее достижение, побуждают писателя высказывать свое глубокое убеждение в недопустимости убийства одним человеком другого. И он высказывает его, не рассуждая о негативных последствиях для собственной жизни, которые может вызвать такое публичное проявление гражданской позиции.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. Экзистенциальная реальность включает в себя ценности людей, а также их духовный мир, который трудно выразить словами и описать в категориях достоверного знания. В современной психологии большое внимание уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания и умственного ментального опыта. Важным условием понимания становится актуализация экзистенциального опыта понимающего субъекта. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Неудивительно, что экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию.

Индивидуальная специфика экзистенциального опыта проявляется в субъективных способах не познания, а постижения мира человеком. На экзистенциальном уровне понимание-постижение [Знаков, 2009] оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность через неявное знание связывать в единую непротиворечивую структуру различные типы знания.

Итак, среди многообразия изучаемых психологами видов опыта – субъектного, личностного, ментального, жизненного и других – экзистенциальный занимает особое положение. С одной стороны, для ученых, осмысливающих содержание этого феномена, ясно видна его недостаточная изученность, научная категоризация, с другой – несомненно, важная роль в человеческом бытии.

Цель статьи – систематизировать и проанализировать признаки экзистенциального опыта. Перечислю основные из них.

Трехкомпонентная структура экзистенциального опыта

Содержательная структура экзистенциального опыта состоит по меньшей мере из трех составляющих. **Первый** компонент опыта – тезаурусный. Он состоит из неявного знания, которое характеризует принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. **Второй** компонент опыта – интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. Непременным атрибутом интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни оказываются переживания.

Отсутствие переживаний порождает феномен «отчуждения своего опыта», когда отдельные прожитые эпизоды не становятся событиями жизни. Еще в начале 1990-х гг. Е.О.Смирнова и А.Е.Лагутина исследовали его на материале осознания своего опыта детьми из семей и из детского дома. Один из их экспериментов относился к игре, в которой дети дарили друг другу подарки. У семейных детей узнавание внешних предметных характеристик игры порождало воспоминания о своих действиях и переживаниях. Узнавание было связано с их внутренней, субъективной жизнью. Они всегда рассказывали от первого лица о своих действиях и переживаниях, например: «Я подарил утенка Павлику, он ему не понравился, тогда я ему дал своего волка, и он обрадовался». Воспитанники детского дома обычно рассказывали об игре не от первого лица, а в безличной форме или во множественном числе: «Нужно взять игрушку и отнести кому-нибудь», «В коробочку клали и давали детям». Как показали дополнительные вопросы взрослого, они вообще не помнили, кому и что подарили сами и что подарили им. Главным в их воспоминаниях были правила игры, которые объяснял взрослый и которые они старательно соблюдали [Смирнова, Лагутина, 1991]. Очевидно, что у детей из семей воспоминания об игре имеют шанс стать экзистенциальным опытом, а у их сверстников из детского дома – нет. Наконец, **третий** компонент экзистенциального опыта – этический.

Общность взглядов на моральное долженствование объединяла основателей психологии человеческого бытия – С.Л.Рубинштейна и В.Франкла. С их точки зрения представления о должном у субъекта воплощаются в таком морально-нравственном императиве, который регулирует его понимание сути подлинно человеческого отношения к себе и другим.

Метасистемная организация экзистенциального опыта

С позиций психологии человеческого бытия принципиально важным является различие **обыденного** и **экзистенциального** видов опыта субъекта. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является метасистемным. Перефразируя А.В.Карпова [Карпов, 2004], можно сказать, что это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых изменился его внутренний мир. Экзистенциальный опыт субъекта – это и есть совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» [Сапогова, 2013]. Наиболее важен при этом субъективный способ определения самого значимого, ценного для субъекта. События и ситуации человеческого бытия могут быть оценены субъектом либо как привычные, либо как критические, резко отличающиеся от повседневных, например аборты, теракты и многое другое.

Свое и чужое в опыте субъекта

Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию.

Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его **внутреннего** мира. Вот как об этом пишет Т.Д.Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» [Марцинковская, 2007, с. 37].

Из методологических оснований социогуманитарного познания, в частности, следует, что экзистенциальный опыт субъекта состоит из опыта не только **своего**, но и **чужого**. В культурологических исследованиях показано, что «отличие, инаковость – неотъемлемая часть нашего собственного существования, и иногда они становятся прямым условием нашей идентичности и образуют своего рода онтологическое единство. «Чужой» нередко является частью нас самих» [Шулакевич, 2008, с. 112]. Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность необходимости обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является превращенной формой опыта чужого, других людей.

Однако обращение к опыту «экзистенциального другого», его понимание нередко само по себе оказывается трудно разрешимой проблемой, понимание которой оказывается возможным только на уровне понимания-постижения. В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального другого» является выдающийся российский математик Г.Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от медали Филдса, в 2010 г. – от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет в одной квартире с матерью, ведет замкнутый

образ жизни, игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. Имея дело с таким «экзистенциальным другим», невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным постижением.

В психологии для анализа и описания экзистенциального опыта субъекта наиболее подходящей является тезаурусная концепция организации субъектного знания [Луков, Луков, 2008]. Нарративное понимание событий человеческого бытия основано на какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно. В отличие от этого результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво. В тезаурусной концепции порождение смысла событий, ситуаций, знаний о них и возникающего на этой основе опыта осуществляется в направлении различения своего, чужого (пока не своего, но потенциально способного стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах. В психологии ценностно-смысловая и возрастная динамика различения своего и чужого представлена в исследованиях самоактуализации личности в процессе общения с другим [Рябикина, Сомова, 2001], психологии затрудненного общения [Лабунская и др., 2001], идентификации другого человека в качестве врага или друга [Тулинова, 2004], трансформации социально-психологических характеристик представлений о друге и враге [Альперович, 2010].

Переживание и опыт

Экзистенциальный опыт включает в себя не только отражение и порождение социокультурных ситуаций, но и проживание субъекта в них. В научном исследовании знание соотносится, главным образом, с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями [Фахрутдинова, 2013]. Экзистенциальный опыт – это всегда такой «опыт проживания экзистенциальных проблем» [Гришина, 2013], который основан на их внепонятийном постижении.

Доказательство этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту прежде всего как гендерному опыту группы. Как утверждает Ш.Фельман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия» [Felman, 1993], в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре. Женщина не может писать собственную историю потому, что она не знает ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно только переживать и понимать по типу понимания-постижения. Внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате внешняя событийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской внутренней аффектированной автобиографией [Жеребкина, 2007]. Типичным и очень характерным в этом отношении является телеинтервью З.Царнаевой, матери двух братьев, совершивших теракты во время марафона в Бостоне в апреле 2013 г. Уже после обнародования неопровержимых доказательств того, что взрывы осуществили Тамерлан и Джохар Царнаевы, она сказала: «Я

уверена на сто процентов, что их подставили, оба моих сына невиновны». И ее трудно заподозрить во лжи, женщина искренне верила в то, что говорила.

Понимание-постижение и непостижимое в опыте

Экзистенциальный опыт как психологический процесс и результат его формирования неизбежно включает в себя постижение. По Гегелю, постижение направлено на выявление такого истинного бытия людей и природных объектов, которое скрывается за чувственным восприятием. Необходимость в нем возникает при невозможности уяснения сути, объективной сущности предметов и явлений такими, какие они есть. В современном дискурсе «употребление прилагательного **постижимый** возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании **суги** характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных **творческих** усилий, глубокой **интуиции**, **озарения**, божественного **откровения**. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» [Апресян, 1997, с. 259–260]. Понимать можно и простое и сложное, а постигать – только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

Решения, принимаемые нами в трудных экзистенциальных ситуациях (например, нравственные сомнения в необходимости обнародования неприглядного поступка друга), основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном непонятном постижении. При этом оказывается, что «из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность **как таковую**, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» [Анкерсмит, 2007, с. 5]. Экзистенциальный опыт объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то убеждены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения. Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и **объективно непостижимые** для субъекта области. Мэр мегаполиса не может иметь достоверной информации о техническом состоянии всех коммуникаций в городе, директор АЭС – о всех процессах в ядерном реакторе, работники спецслужб – о всех готовящихся терактах. Человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Непонятное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание об этих реальностях можно характеризовать или как «**непостижимое в себе**», или как «**непостижимое для нас**» [Франк, 2007].

В первом случае непостижимость возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях. Кроме того, в любой момент времени бытие уже потенциально содержит то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не есть. Неудивительно, что в таком качестве «реальность не только неуловима в понятии, она и недоступна созерцанию; она не может быть усмотрена – она может быть лишь пережита» [Франк, 2007, с. 85]. В контексте психологии человеческого бытия, основанием которой является психология субъекта, уместно заметить, что «непостижимое в себе» С.Л.Франка как скрытое, недостижимое, лишь искомое субъектом явным образом перекликается с искомым,

неизвестным в процессе мышления, которое, по А.В.Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи [Брушлинский, 2006].

Таким образом, непостижимость самой реальности – это один из атрибутов бытия.

Во втором случае «непостижимое для нас» оказывается закономерным следствием человеческой психологии. **Одна причина** непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия заключается в принципиальной невозможности их понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных познавательных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский [Кузанский, 2000]. Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

Такое интеллектуальное состояние хорошо известно, например, тем из нас, кто занимался проблемой самопонимания субъекта. Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей [Cook-Greuter, 1994] свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности. На высшем автономном уровне самопонимания рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса переструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной мысли и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения. В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания стремление к постоянству собственной индивидуальности – это невозможная и ненужная мечта.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью. Очень показательный пример есть в книге В.А.Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскребы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и

доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать ее в качестве «как бы реальности» и помещена туда, где раньше находилась реальность без «как бы» [Шкуратов, 2002, с. 22].

При обсуждении психологических механизмов непостижимости для субъекта некоторых событий и ситуаций человеческого бытия ключевой оказывается проблема соотношения осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики. В частности, важным является вопрос о том, почему некоторые операциональные схемы мышления и понимания становятся осознанными, в то время как другие остаются бессознательными. Исследования Ж.Пиаже показывают, что бессознательные идеи могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий. С его точки зрения, «причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» [Пиаже, 1996, с. 128]. По его мнению, осознание – это следствие реконструкции на высшем – сознательном уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

Итак, я хочу уточнить: **непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания**. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и не осознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание – это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта.

Тайна – неустраняемая составляющая экзистенциального опыта

Важной частью экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и тайна. По существу осознание «непостижимого для нас» означает признание того, что некоторые стороны экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании бессмысленности усилий, направленных на ее раскрытие, разоблачение. Тайна есть неустраняемый и **непроблемный** контекст действительности, который не только нельзя осознать, но часто и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие [Брушлинский, 2006; Тихомиров, 1984]. В непостижимом и таинственном не может быть противоречий, потому что они по своей природе не аналитичны, а холистичны [Знаков, 2013]. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как

целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только устраняются, но и превращаются в свою противоположность.

Таким образом, методологическая проблема заключается в том, что тайна существует в экзистенциальном опыте **онтологически**, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с **гносеологической** плоскостью рассмотрения этого феномена.

Абстрагируясь от религиозного и мистического контекстов употребления понятия «тайна», в современном научном дискурсе необходимо различать два наиболее распространенных ее вида – познавательную (когнитивную) и экзистенциальную (бытийную) тайны. В словаре русского языка С.И.Ожегова тайна определяется как нечто неразгаданное, еще не познанное или как скрываемое от других, известное не всем, секрет [Ожегов, 1988, с. 642]. Для разгадки секрета необходима мыслительная деятельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. Однако с психологической точки зрения существует еще один, содержательно более глубокий вид тайны, в основании которого лежит не познавательное стремление к решению задачи, а принятие ее как субъективной **ценности**. Существование таких тайн ясно осознавал французский экзистенциалист Г.Марсель: «Есть высшие реальности, которые становятся более ясными и определенными лишь благодаря своей причастности тайне. Здесь нет ничего похожего на банальный агностицизм, согласно которому, наоборот, тот факт, что объект познаваем или нет, ничего в нем не меняет. Именно в этом и заключается различие между тайной и невежеством. Таинственно лишь то, что есть потребность не раскрывать» [Марсель, 2005, с. 281]. В психологии оба вида тайны А.А.Пузырей проиллюстрировал на примере анализа Л.С.Выготским трагедии о Гамлете [Пузырей, 2005].

Первый вид тайны раскрывается указанием на попытки читателя, читающего пьесу У.Шекспира, выявить сокрытое в тексте, то есть разгадать загадку, понять, в чем секрет. Аналогично можно сказать, что детективный роман всегда содержит загадку, имеющую известную писателю разгадку. В этом случае чтение субъекта направлено на выявление авторского замысла: того, что ранее было для него секретным, загадочным, но перестает быть таковым в результате интерпретации. Разгаданная загадка прекращает существование в качестве чего-то непонятного, загадочного, недоступного сознанию. Понимание упраздняет загадку, потому что интерпретация как бы замещает исходный текст, встает на его место [Пузырей, 2005, с. 308].

Типичными примерами когнитивных и бытийных тайн, присутствующих в опыте людей, являются символы. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символическим. Что такое памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны? Это простые и понятные когнитивные символы советской власти.

Есть основания предполагать, что решающую роль в понимании когнитивной тайны, раскрытии секрета играют **познавательная мотивация** и **ментальный опыт** субъекта.

Второй вид тайны – экзистенциальной – сложнее для понимания и психологического анализа. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. Экзистенциальная тайна – это атрибут и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Например, экзистенциальные тайны, входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека

важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Однако в самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намек и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» [Иванов, 1994, с. 141].

А.А.Пузырей, продолжая анализировать работу Л.С.Выготского в контексте различия секрета и тайны, отмечает, что тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее – как неустранимый пониманием – бытийный – феномен» [Пузырей, 2005, с. 305]. Для читателя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять тайну как то, что внутренне присуще самому понимаемому. На это же указывает и сам Л.С.Выготский: «Не разгадать эту загадку – была цель этих строк, не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее. И если загадочность и непостижимость произведения только усилились в этой интерпретации его, то это не прежняя, начальная его загадочность и непонятность, проистекавшие от внешней темноты трагедии и стоявшие помехой на пути к художественному ее восприятию, – а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся в результате восприятия этой пьесы» [Ярошевский, 1987, с. 288].

Экзистенциальная тайна не предполагает обязательного ее познания. Главное для субъекта – не разгадывать тайну, а признать ее самодостаточность и субъективную **ценность**. Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, составляющие. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (пиковыми переживаниями по А.Маслоу – мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т.п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность.

Заключение

Научное психологическое доказательство существования в экзистенциальном опыте субъекта непостижимого и таинственного не имеет ничего общего с мистицизмом и религиозной верой (хотя я убежден, что умные и образованные теологи могут рассмотреть другие стороны и обнаружить новые грани этой проблемы). Новизна этого исследования заключается, главным образом, во введении в научный психологический лексикон новых понятий – непостижимого и таинственного. Дальнейшие психологические исследования непостижимости и таинственности как трудности концептуализации, объединения понимающим субъектом осознаваемых и неосознаваемых знаний о понимаемом мире в холистическую категориальную структуру – перспективное направление развития не только психологии понимания, но и психологии человеческого бытия.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00087.

Литература

Альперович В.Д. Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Юж. федер. университет, Ростов-на-Дону, 2010.

Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: ИП РАН, 2006.

Гришина Н.В. Экзистенциальный опыт: эмпирические описания. В кн.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (Ред.), Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В.Брушлинского). М.: ИП РАН, 2013. Т. 1, с. 391–394.

Жеребкина И. Субъективность и гендер: тендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.

Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания. Вопросы психологии, 2009, No. 4, 14–23.

Знаков В.В. Аналитичность и холистичность во взглядах А.В.Брушлинского и О.К.Тихомирова. Вопросы психологии, 2013, No. 4, 3–15.

Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.

Калюжная Н.А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты. Вопросы философии, 2009, No. 9, 164–170.

Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: ИП РАН, 2004.

Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000.

Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Академия, 2001.

Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Нац. институт бизнеса, 2008.

Марсель Г. Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.

Марцинковская Т.Д. Психология в современном мире. В кн.: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич (Ред.), Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М.: ИП РАН, 2007, Т. 1, с. 33–44.

Непомнящий А.В. (Ред.). Психологические основы организации учебно-познавательного

опыта обучающихся. М.: КРЕДО, 2010.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

Пиаже Ж. [Piaget J.] Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное. Вопросы психологии, 1996, No. 6, 125–131.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

Рябикина З.И., Сомова Е.Г. Личность и ее самоактуализация в общении с другим. Мир психологии, 2001, No. 3, 83–88.

Сапогова Е.Е. Границы «я»: жизненный и экзистенциальный опыт. В кн.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (Ред.), Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В.Брушлинского) М.: ИП РАН, 2013. Т. 1, с. 445–447.

Смирнова Е.О., Лагутина А.Е. Осознание своего опыта детьми в семье и в детском доме. Вопросы психологии, 1991, No. 6, 30–37.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Моск. гос. университет, 1984.

Тулинова Д.Н. Особенности идентификации Другого в качестве Врага или Друга. Северо-Кавказский психологический вестник, 2004, No. 2, 159–164.

Фахрутдинова Л.Р. Переживание, впечатление и экзистенциальный опыт. В кн.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (Ред.), Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В.Брушлинского) М.: ИП РАН, 2013. Т. 1, с. 463–466.

Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007.

Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.

Шкуратов В.А. От Манхеттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП-СНЦ РАН, 2002.

Шулакевич М. Границы как проблема современной культуры. Космополис, 2008, 2(21), 105–114.

Ярошевский М.Г. (Ред.). Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.

Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults. In: M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter (Eds.), Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development. London: Rowman and Littlefield Publishers. Inc., 1994. pp. 119–143.

Felman S. What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.

Поступила в редакцию 25 мая 2013 г. Дата публикации: 17 октября 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Знаков Виктор Владимирович. Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии личности, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.
E-mail: znakov@psychol.ras.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Знаков В.В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта.
Психологические исследования, 2013, 6(31),1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Знаков В.В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С.1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/879-znakov31.html>

[К началу страницы >>](#)